

LAMBERTO MAFFEI

**SOLO I FOLLI
CAMBIERANNO
IL MONDO:
ARTE E PAZZIA**

Società editrice il Mulino

ЛАМБЕРТО МАФФЕИ

**ТОЛЬКО БЕЗУМЦЫ
МОГУТ ИЗМЕНИТЬ
МИР**

Искусство и безумие

Издательство АСТ

Москва

УДК 159.9:7
ББК 88.4
М35

Lamberto Maffei
Solo i folli cambieranno il mondo: Arte e pazzia
Печатается с разрешения Società editrice il Mulino S.p.a

Несанкционированное копирование или распространение этой работы
является нарушением авторских прав.

Маффеи, Ламберто.

М35 Только безумцы могут изменить мир: искусство и безумие / Маффеи Ламберто — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 176 с. — (Нонфикшн. Лекции).

ISBN 978-5-17-160233-8

Альберт Эйнштейн сказал, что «безумцы, уверенные, что способны изменить мир, на самом деле его меняют», но так ли это? Безумие — иррационально, оно показывает новое мышление, способное открывать, смотреть, чувствовать и постигать этот мир иначе.

В этой книге автор сталкивает два мира: искусство и психологию. Какая леди преследовала Эразма Роттердамского? Так ли были безумны Ван Гог и Эдвард Мунк? Как страх и величие перед смертью и неизвестностью вдохновляли безумных гениев? Настолько ли безумцы безумны и как феномен «сумасшедшего творца» распространился по миру искусства? На самых ярких примерах из биографий Моцарта, Энсора, Магритта и многих других, автор аккуратно, но в тоже время настойчиво, проводит тонкую историческую нить безумия до нашего времени и дает ответы на эти и многие другие вопросы.

УДК 159.9:7
ББК 88.4

ISBN 978-5-17-160233-8

© 2023 by Società editrice Il Mulino, Bologna
© Богданова Я.А., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Посвящается моей жене, Марии Грации
Фуччи, которая придумала и отредактировала
каждое слово в этой книге.*

ПРОЛОГ

||| Безумцы, уверенные, что способны изменить мир, на самом деле его меняют.
Альберт Эйнштейн¹

Наш разговор о безумии мне хотелось бы начать с Диогена Синопского (IV век до н.э.), человека, без сомнения наделенного некоторой долей сумасшествия: кто в здравом уме стал бы жить в бочке, при этом еще и демонстрировать столь вызывающее поведение и пренебрегать всеми общественными нормами? Поговаривают, что в один прекрасный день он выбрался из своей бочки и отправился бродить по городу с фонарем в руках, а на вопрос, что он делает, ответил: «Ищу человека» (должно быть, он хотел сказать, что ищет человека честного, далекого от условностей, свободного). Диогена называли «безумным Сократом», потому что он был учеником Сократа, а в народе прозвали «собакой»; отсюда произошло

¹ Здесь автор, следуя расхожему заблуждению, приписывает фразу Альберту Эйнштейну. В действительности, она была использована в качестве слогана в рекламной кампании Apple «Think different» в 1997 году (здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика).

и слово «цинизм», давшее название философскому течению, одним из основоположников которого был сам Диоген, наряду со своим учителем Антисфеном¹. Лучше довольствоваться малым или вовсе ничего не иметь, но при этом жить в соответствии со своей природой, быть свободным от законов и условностей, презирать удовольствия и всякие излишества. Рассказывают, что он даже отказался от чаши для питья после того, как увидел мальчика, который пил из сложенных ладоней.

Данте Алигьери отправил Диогена в Лимб, причислив к сонму духов достойнейших мужей, о которых идет речь в четвертой песне «Ада»:

Философ знаменитый Демокрит;
Здесь Диоген, Фалес с Анаксагором,
Зенон, и Эмпедокл, и Гераклит².

В голове у каждого из нас хранится множество любопытных историй и причудливых мыслей, они словно записки, спрятанные по разным ящикам письмен-

¹ Термин «цинизм» или «кинизм» происходит от греческого *kylos* – собака. Согласно другой версии, название произошло от афинского гимнасия Киносарг, в котором философ Антисфен проводил свои философские беседы. Основой учения киников являлось достижение счастья путем отказа от славы, богатства, власти и других искушений. Высшей целью объявлялась жизнь в соответствии с естественной природой. Подобно любому животному, человек не должен испытывать чувства стыда за те действия, которые продиктованы инстинктом.

² Пер. М.Л. Лозинского.

ного стола, и время от времени мы достаем их, перечитываем, чтобы убедиться — мы еще живы. В современном мире, где повсеместно царит погоня за излишествами, охота за удовольствиями, стандартизация мышления, желаний и нравов, где, к сожалению, существует оружие, изобретенное только для того, чтобы убивать других людей, где верховодит ложь — в таком мире мысли Сократа и Диогена Синопского о необходимости пересмотреть наш образ жизни и, если не изменить кардинально, то хотя бы внести в него долю умеренности, вовсе не кажутся нелепыми.

Можно, конечно, заявить, что красота спасет нас от засилья новой культуры, ошибочно воспринимаемой как регресс, от повсеместного невежества, но существует большая вероятность того, что и эта красота однажды станет другой, и мы сочтем прекрасным то, что получит ярлык «прекрасное», а справедливым станет то, что будет названо справедливым.

Ничего удивительного, ведь мы живем в мире быстрых, неожиданных и удивительных перемен — нам навязали их, не предоставив никакого выбора, а мы, в свою очередь, беспрекословно их приняли. Экономическая и военная мощь — вот новые пастбища для обывателей, а благополучное существование сводится к тому, чтобы просто пастись и ни о чем не думать.

Красота, понятие по сути своей изменчивое, никого не спасет, но в этой фор-

муле я рискну заменить красоту людьми, которые отличаются от других, людьми, мыслящими нестандартно, немножечко сумасшедшими (как выразился бы Альберт Эйнштейн); они, может быть, и не спасут мир, но хотя бы изменят его — целиком или крошечный кусочек. За всю историю существования человечества психические заболевания частенько выступали в роли удивительно эффективного инструмента, позволяющего некоторым людям во весь голос заявить о том, что они другие, выступить против стандартизации мышления. Может быть, настало наше время выйти среди бела дня на площадь с фонарем разума в руках и ответить толпе: мы ищем человека.

В одной из своих предыдущих книг, «Похвала медлительности» (*Elogio della lentezza*, Il Mulino, 2014), я отмечал, что в жизни человека есть два важнейших события: рождение и смерть; и что спешить ко второму из них, не уделив и минуты размышлению о смысле всего этого путешествия, весьма опрометчиво. Диоген вот никуда не спешил, он дожил до восьмидесяти девяти лет, весьма преклонного возраста.

Глупцы и безумцы, особенно в глазах таких же глупцов и безумцев, выглядят гораздо привлекательнее обычных людей, нормальных, которым настолько сложно примириться с их сумасшедшими идеями, что аж желудок сводит. В числе этих безумцев мне хотелось бы вспомнить одного

человека, которому однажды надоело быть серьезным, потому-то он и взялся шутить; я имею в виду Эразма Роттердамского — с ним мы встретимся в следующей главе.

Моя искренняя благодарность Даниэлю Малагути — он с огромным вниманием и профессионализмом наблюдал за написанием этой книги, а его замечания заставили меня изменить некоторые концепции, которые вы встретите на ее страницах, и по-другому расставить акценты.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОЛЬКО БЕЗУМЦЫ МОГУТ ИЗМЕНИТЬ МИР

1. Эразм в землях Альбиона

Эразм Роттердамский, голландский теолог, гуманист и философ, родившийся около 1466 года и умерший в 1536 году, провел не меньше трех лет в Италии, и за это время посетил все библиотеки, до которых смог добраться, чем заслужил репутацию настоящего книжного червя. Он писал только на латыни, хотя обожал греческий язык, которому учился в Берлине. Эразм Роттердамский был странным богословом, он отказался, например, от должности кардинала, потому что считал: все власть предержавшие, даже представители церкви, чересчур падки на всевозможные излишества. В общем и целом, он был великим гуманистом, который много читал, много преподавал, а, может быть, и много молился,

хотя о последнем у нас нет достоверных сведений. Он слыл весьма серьезным человеком и прославился на всю Европу своими обширными познаниями во многих областях тогдашней науки (рис. 1).

Вот этот самый Эразм Роттердамский и покинул Италию в 1509 году, отправившись в земли туманного Альбиона, то есть в Англию. Конечно, он путешествовал тем видом транспорта, который чаще всего использовался в то время, — верхом на лошади. Дорога казалась бесконечной, а Эразм Роттердамский был уже немолод, ему вот-вот должно было исполниться пятьдесят, сидеть в седле оказалось очень утомительно, а вся эта тряска не позволяла погрузиться в свои мысли, другими словами, мешала работать и думать. К тому же, спина, особенно нижняя ее часть, то и дело давала о себе знать. Эразм Роттердамский не мог размышлять о чем-то серьезном, но ничего не мешало ему фантазировать, занять свой разум пустяками, непривычными глупостями, о которых в привычном окружении, например, в библиотеке, ему было бы очень стыдно даже помыслить, но здесь, верхом на лошади, на пустынном тракте, где не видно ни души, он мог позволить себе даже то, что раньше считал непозволительным.

И вот Эразм Роттердамский принялся размышлять о богине, женщине-аллегории, воплощении глупости, которую мы впредь так и будем называть, — Леди

Глупость. Вероятно, она предстала перед ним в образе прекрасной девы с весьма соблазнительными формами, радующими глаз своими изгибами; близкой подругой воображения и пустячных мыслей. И эта самая Леди Глупость взялась настойчиво нашептывать ему странные идеи, как поступали порой обитатели Олимпа с несчастными жителями Древней Греции, советуя им что-нибудь сделать или, наоборот, не делать. В данном же конкретном случае Эразму, страдающему от боли пониже спины, было предложено задуматься, а лучше — перестать думать вовсе, причем последнее звучало куда убедительнее первого.

Эразм Роттердамский представил, как Леди Глупость выступает перед огромной толпой и нахваливает сама себя, называет себя вполне естественным и даже созидательным порывом, без которого немислимо само существование человека:

«Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, — мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, — все же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство — перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многолюдном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех. При взгляде на вас кажется мне, будто я вижу богов Гомеровых, охмелевших от нектара, настоящего на непенте, а ведь только что вы сидели печальные

|| и озабоченные, словно воротились недавно из Трофониевой пещеры¹».

Вот такие двусмысленные и притягательные мысли божественным голоском нашептывала Леди Глупость в левое ухо Эразму Роттердамскому, но резвый скакун ученого не слышал ни слова из этого, а то бы несомненно замедлил бег, ведь чем длиннее путешествие, тем сподручнее предаваться фантазиям, мечты не рождаются в спешке.

|| — Эразм, — шептала леди Глупость, — неужели ты никогда не задумывался о том, что помимо человеческого разума в этом мире есть еще солнце и луна, твое собственное тело и вибрация твоих чувств, жаждущих вырваться на свободу? Все это существует за пределами разума, да что вообще такое этот разум, ведь кроме него есть и воображение, эмоции, веселье, радость жизни? Разуму же чужд смех, он лишь нагоняет тоску да усталость.

Леди Глупость и без того пользовалась большой популярностью среди простого народа, вот и Эразм Роттердамский начал понемногу поддавать под ее чары. Все эти дни, проведенные в библиотеках, в компании одних лишь книг, и все только ради того, чтобы стать похожим на своих прославленных коллег и самому снискать

¹ Здесь и далее «Похвала глупости» цитируется в переводе П.К. Губера.

“

— Эразм, неужели ты никогда не задумывался о том, что помимо человеческого разума в этом мире есть еще солнце и луна, твое собственное тело и вибрация твоих чувств, жаждущих вырваться на свободу? Все это существует за пределами разума, да что вообще такое этот разум, ведь кроме него есть и воображение, эмоции, веселье, радость жизни? Разуму же чужд смех, он лишь нагоняет тоску да усталость.

”